

Малыши, не знающие, что такое такт, весело захихикали, словно нашли себе новую забаву. Линь Юй смущённо шевельнул ногой. Цай Чуньхуа не сшила ему новых башмаков, поэтому на свадьбу он отправился в своих старых, изношенных ботинках.

Лицо Вэй Циншаня потемнело. Он злобно глянул на хохочущих детей и они тут же примолкли. Один из них, особенно пугливый, даже разрыдался. Больше никто не вспоминал про старую обувь Линь Юя.

Вэй Циншань бережно усадил его в паланкин. Дядя Вэй, приехавший на свадьбу, скомандовал: “Поднять носилки!”

Четверо здоровых мужчин уверенно подняли свадебный паланкин. Вэй Циншань сказал что-то Вэй Чжуцзы, который нес паланкин спереди. Тот весело рассмеялся: “Брат Циншань, жалеешь своего новоиспеченного мужа, да? Ха-ха-ха!”

Услышав эти слова, остальные мужчины тоже засмеялись. Вэй Циншань оставался с холодным выражением лица, но мочки его ушей слегка покраснели.

Вэй Чжуцзы был родственником Вэй Циншаня по родовой линии, младше его на несколько лет. Они вместе росли и несмотря на суровый вид старшего, Вэй Чжуцзы мог сказать точно — сегодня его брат Циншань был в хорошем настроении.

Вэй Циншань подошел к тем, кто нес приданое в конце свадебной процессии и взял оттуда одеяло. Семья Чжао дала в приданое всего два легких весенних одеяла. Сейчас только начало весны, погода еще прохладная.

Сам он не мерз, его свадебное платье было легким весенним нарядом, но, когда держал своего мужа на руках, почувствовал, что тот замерз. А до дома еще целый час пути, простуда сейчас была бы совсем некстати.

Одеяла, подаренные семьей Чжао, хоть и тонкие, но согреться в них можно. Вэй Циншань взял новое одеяло и направился к свадебному паланкину.

Линь Юй уже начал недоумевать, почему носильщики вдруг остановились, когда что-то опустилось ему на плечи. Через узкий просвет под свадебной вуалью он увидел, что это было одеяло.

Раздался низкий голос: “Погода еще прохладная, укройся”.

“Спасибо...” — Линь Юй ощутил тепло в сердце и тихо поблагодарил. Возможно, все было не так плохо, как он себе представлял.

Свадебная процессия под звуки духовых и барабанов двинулась дальше. Дядя Вэй Циншаня

бросал в толпу свадебные монеты.

Дети, зеваки, тут же ринулись собирать их. Даже Цай Чуньхуа, уже собирающаяся уходить, поспешила обратно. Вэй Циншань был таким бедным, что у него оставалась только полуразвалившаяся соломенная хижина. Все думали, что он не станет разбрасывать свадебные монеты, но, похоже, этот бедный охотник все же решил не скупиться.

Цай Чуньхуа вместе с детьми толкалась среди толпы, пытаясь ухватить хоть что-то. Но мальчишки шустрые, как обезьянки, ей не было с ними сладу. Ее вытолкнули и она с криками упала.

Взрослые вокруг захихикали. Все же она была тётей жениха, а вела себя так, будто в жизни денег не видела. Позор.

Свадебные монеты быстро разобрали, а Цай Чуньхуа не досталось ни гроша. Она только упала в грязь, растрепала волосы и испачкала одежду.

Цай Чуньхуа, лежа на земле, болезненно ойкнула. Вдруг она заметила в грязи медную монету и поспешила к ней, чтобы поднять. Однако семилетний мальчишка оказался быстрее и схватил ее первым.

Мальчик радостно улыбнулся: “Я успел!”

Для ребенка одна медная монета редкость, ведь за нее можно купить лепешку из грубой муки, а за две даже паровой пирожок из белой муки!

В деревне все бедные, детям почти нечего есть. Они копили монетки, чтобы потом на базаре купить немного сладостей. Взрослые не вмешивались и оставляли свадебные деньги детям.

Но Цай Чуньхуа была скупа. После долгих поисков ей наконец удалось заметить монету, но кто-то ее опередил. Взбешенная, она толкнула мальчишку, выбив у него монету.

Мальчик с грохотом упал на землю и тут же разревелся. Зеваки еще не успели разойтись и все обратили внимание на происходящее.

Тут вперед выбежал фулан Чжу, помог мальчику подняться: “Тедань, не плачь, не плачь! Дай бабушка тебе вытрет слёзы”.

Фулан Чжу был человеком не из робких. Кстати, свадебный наряд Линь Юя купили у него, ношенный. Он ткнул пальцем в лицо Цай Чуньхуа и громко закричал: “Цай Чуньхуа, как ты могла толкнуть моего Теданя?! Ты хоть что-то понимаешь в порядочности?!”

“Эта монета была первой, которую я увидела! Этот паршивец ее у меня выхватил! И вообще, это же свадебные деньги супруга гээра Юя, значит, они принадлежат нашей семье!”

“Твой Чжао Дачжи сам паршивец! Восемь лет пытается сдать экзамен на сюэя и до сих пор проваливается! Лучше бы на поле работать пошел, ха!”

Эти слова ударили Цай Чуньхуа прямо в больное место. Она тут же вскочила с земли и закричала: “Чёртова ведьма, что ты несешь?! Мой Дачжи в десять лет сдал экзамен на туншэна! Учитель сам сказал, что у него судьба стать чиновником в уезде! А твой Тедань просто грязный деревенщина без будущего!”

“Твой “чиновник”! Ха, да он до конца жизни так и останется туншэном! Даже счетоводом в городе стать не сможет! Фу!”

Они схватили друг друга за волосы и начали драться.

Чжао Дачжи, который наблюдал за всем этим из окна своей комнаты, поспешно спрятал голову обратно и пробормотал: “Позор... какой позор...”

Тут же подбежали соседки и старшие женщины, чтобы разнять драку: “Ладно, ладно, все же соседи, не стоит ссориться”.

Но фулан Чжу и Цай Чуньхуа дрались не на шутку, и он вовсе не оказался в проигрыше – ухватил Цай Чуньхуа за волосы и дёргал так, что она аж скалилась от боли.

Тедань увидел, что его бабушку бьют, и, как маленький бычок, кинулся вперёд. Поднял ногу и пнул Цай Чуньхуа прямо в голень: “Плохая баба! Бьёшь мою бабушку? Вот тебе! Вот тебе!”

Потом наклонился и вцепился зубами ей в руку. Цай Чуньхуа взвыла от боли и только после этого окружающие, толкаясь и суетясь, смогли разнять их.

“Фулан Чжу, хватит! Забирай Теданя и идите домой”.

Волосы у фулана Чжу тоже растрепались, он фыркнул, но, взяв мальчика за руку, ушёл.

Когда они отошли подальше, Тедань дёрнул бабушку за руку: “Бабушка, мне не больно! Смотри!”

Радостно раскрыв грязные ладошки, он показал две медные монеты.

Фулан Чжу удивился: “Ого, Тедань, ты молодец! Нашёл две счастливые монетки с праздничных

подношений! Когда пойдём на рынок, купим за них сладкое”.

Но Тедань послушно передал монеты фулану Чжу и сказал: “Бабушка, я не хочу сладкого, я сегодня хочу есть тофу!”

У фулана Чжу защемило сердце. Их семья бедная: земли мало, бабушка часто болеет, денег нет даже на леденец для ребёнка. А его Тедань такой понимающий – сам отдаёт деньги, чтобы купить тофу и хоть немного разнообразить семейный стол.

Фулан Чжу сжал его маленькую ладонь: “Ладно, бабушка сегодня приготовит для тебя тушёное тофу”.

“Угу!”

А Цай Чуньхуа в это время была уже дома. Её затащил туда Чжао Чжунь: “Всё, хватит. Не стыдно тебе? Давай быстрее готовь еду, все ждут!”

“Ну и пусть ждут! Всё бы тебе торопить да торопить, как будто жизнь моя тебе принадлежит!”

Зеваки постепенно разошлись, а свадебный кортеж, ради которого все и собрались, давно уехал. Тётушка Ли, которая пришла причёсывать Линь Юй, тоже собралась уходить. Она хорошо знала, что Цай Чуньхуа жадная, даже если накроет стол, на нём всё равно не будет ничего стоящего.

Жена из семьи Сун схватила за руку тётушку Ли, которая уже собиралась уходить: “Тётушка, куда ты? Мы ещё не обедали!”

“Да что тут есть? Ты видела у Цай Чуньхуа на лице хоть каплю радости от того, что мы пришли поесть?”

Жена из семьи Сун весело рассмеялась: “Да какая разница? Поедим здесь — дома на одну тарелку меньше готовить придётся”.

Тётушка Ли задумалась: ну да, всем сейчас трудно, а Цай Чуньхуа ещё и скупая, так что чем больше она не хочет, чтобы они ели, тем больше им стоит остаться. В итоге несколько женщин переглянулись и дружно вернулись во двор семьи Чжао.

Сегодня, когда приехали сваты, семья Вэй привезла с собой двух диких фазанов, два свёртка с фруктами, ещё один с патокой, а также арахис и цукаты. Для такой бедной семьи, как их, этот свадебный дар был весьма щедрым. Особенно эти фазаны с ярким, переливающимся оперением – у всех соседей аж слюнки потекли от зависти.

Конфеты и фрукты – дорогие вещи, и Цай Чуньхуа уже решила отложить часть из них, чтобы взять с собой, когда поедет в родительский дом. Так её меркантильная невестка хотя бы раз посмотрит на неё с уважением.

Увидев, что приглашённые гости снова вернулись, она поспешно заперла угощения в шкаф.

Тётушка Ли заметила это и презрительно хмыкнула. В такой счастливый день хозяйка дома могла бы быть и щедрее. Семья Вэй хоть и бедная, но свадебный дар подготовила приличный, видимо, люди там надёжные. Пусть бы только гээр Юй жил у них хорошо.

*

Тем временем свадебный паланкин, покачиваясь, двигался в сторону деревни Луцзя.

Линь Юй с утра ничего не ел, да и вчера ночью только наполовину съел сухую кукурузную лепёшку, которая колола горло. Голова у него слегка кружилась.

Зато одеяло было таким тёплым... Он никогда ещё не спал в такой мягкой и уютной постели. Линь Юй, обхватив одеяло, начал клевать носом.

Только когда паланкин поставили на землю, он резко очнулся.

В полудрёме ему снилась мать: она нежно гладила его по голове и улыбалась тёплой, ласковой улыбкой: “Наш Юй вырос”.

Приятный сон был грубо прерван. Линь Юй открыл глаза и его взгляд упал на протянутую к нему крупную, шероховатую руку.

Он замер, не сразу осознавая, что происходит, но потом вложил в неё свою ладонь.

Под шум голосов окружающих он и мужчина совершили свадебный обряд.

Когда молодожёны совершали свадебный обряд, гости тихо переговаривались между собой.

“Старуха Вэй сегодня пришла, но во время церемонии ей даже не предложили сесть на почётное место, не говоря уже о том, чтобы принять поклоны новобрачных”.

Старая Вэй была так зла, что её лицо стало тёмным, как железо. Разве её старший сын не выставляет её на посмешище перед всеми?!

Но Вэй Циншань сделал вид, что ничего не заметил. Он и не приглашал старуху Вэй и семью

своего второго брата – они его тоже не жаловали. Скорее всего, просто услышали, что на свадьбе будет много мясных блюд, вот и припёрлись. В противном случае ни за что бы не явились.

Сегодня был его счастливый день и он не хотел портить себе настроение. Лучше закрыть глаза на ненужных людей и не позволять им омрачать праздник. Всё равно он уже давно порвал с ними родственные связи.

Обряд быстро завершился.

Линь Юй не слишком хорошо знал, каковы обычаи в семье Вэй, но всё же удивился, почему не было церемонии подачи чая.

Сидя на кровати, он всё ещё чувствовал себя потерянным. Он... вот так просто взял и женился?

Два легких весенних одеяла, что он принёс с собой в качестве приданого, аккуратно сложили и положили на кровать.

Хотя весна только началась, в доме всё ещё было зябко. Линь Юй сидел на краю постели и не смел пошевелиться. Он чувствовал себя, как маленькое животное, попавшее в незнакомое место, и ему хотелось спрятаться.

Снаружи уже начали подавать угощения. До него донёлся аромат мяса и он невольно облизнул губы. Он уже и не помнил, когда в последний раз ел мясо.

Цай Чуньхуа всегда жалела для него еды, а мясо и яйца в доме доставались только Чжао Дачжи. Даже Юэнян редко удавалось попробовать что-то вкусное.

Пока Линь Юй сидел в задумчивости, дверь комнаты со скрипом отворилась.

Перед ним появились чёрные матерчатые туфли, а на краю его взгляда колыхнулся алый подол.

“Почему не укрылся одеялом? Не холодно?”

Линь Юй вздрогнул от неожиданности и застыл, а потом медленно покачал головой.

Вэй Циншань специально заглянул в комнату. Снаружи полным ходом шёл свадебный пир. Поскольку в доме почти не осталось старших родственников, все хлопоты легли на него. Он понимал, что мог что-то упустить.

Старуха Вэй с младшим сыном пришли только чтобы поесть, даже не пытаюсь помочь, но Вэй Циншань и не рассчитывал на них. Теперь в этом доме были только он и его маленький муж.

Он подошёл к кровати, достал из-под изголовья зимнюю одежду и протянул её Линь Юю.

“Накинь пока куртку”.

Вэй Циншань накинул на своего маленького мужа ватную куртку и вышел. Его зимняя одежда была настолько велика, что почти полностью скрыла фигуру Линь Юя. Как же он мал!

Выйдя во двор, Вэй Циншань сразу направился к тетушке Хэ.

“Тётушка Хэ, помогите мне что-нибудь принести гээру Юй поесть”.

Тётушка Хэ, вытерев жирные губы, встала: “Ладно, схожу с гээром Дуном”.

Стол, накрытый Вэй Циншанем, действительно выглядели богато, ничуть не хуже, чем свадьба в семье деревенского старосты несколько лет назад. Соленья с паровыми мясными ломтями, жареная свинина, курица с овощами, тушёные свиные потроха с редькой, острая куриная печёнка, свиные ножки с соевыми бобами, холодный салат из диких трав, а также суп из курицы с белой редькой.

Восемь блюд и семь из них с мясом. Очевидно, Вэй Циншань серьёзно подошёл к делу. Большая часть этих мясных продуктов, вероятно, была добыта им на охоте за последние несколько месяцев. Даже дикие травы, которые подавались на каждом столе, стоили усилий, ведь только началась весна и их ещё не так просто найти.

Жители деревни, которые мясо видели только на праздники, набросились на еду, не стесняясь жирных капель на губах. Палочки для еды сталкивались в борьбе за лакомые куски, а дети ели так жадно, что у них были перемазаны маслом и руки, и лица. Атмосфера во дворе была оживлённой и шумной.

Пока в доме Вэй Циншаня царил веселье, семья Чжао тоже должна была накрыть стол для соседок, помогавших утром.

Но Цай Чуньхуа, будучи скупой, приготовила лишь тушёный с сушёными овощами тофу, тарелку жареной редьки и какую-то чёрную солёную закуску. Хоть рис и был сварен, но среди зёрен попадалась даже жёсткая шелуха от рисовых зёрен.

За столом сидела вся семья Чжао, четверо человек, а также четыре женщины, помогавшие утром. Места всем не хватало, но ещё больше раздражало само угощение. С самого утра они трудились, а к обеду получили такое...

Быстро доев, они разошлись, недовольно перешёптываясь. Болтливая жена из семьи Сун не сдержалась и сплюнула: “Ну и скупердяйка эта Цай Чуньхуа! Кто вообще подаёт на свадьбе тушёный тофу с дикими травами? Как будто...”

“Осторожнее с языком!” — перебила её тётушка Ли: “Сегодня ведь свадьба гээра Юя”.

Жена из семьи Сун натянуто усмехнулась: “Тётушка, я не это имела в виду”.

Остальные женщины, которые пришли помогать, тоже заговорили: “Да, гээру Юю всего два легких весенних одеяла в приданое дали, а свадебный наряд ему достался вообще от фулана Чжу, который носил его несколько лет назад! А ты видела его обувь? Когда он шел, дети за спиной смеялись! А ведь за него выдали десять лян серебра!”

“Точно-точно! Эта бессердечная Цай Чуньхуа со своим мужем! Гээр Юй всю работу по дому делает, а во время полевых работ и вовсе вместе со всеми в поле выходит. Да кто вообще отправляет на тяжелую работу не состоящих в браке девушек и гээров?”

“Ха, они ведь только одного гээра Юй спровадили. У них еще есть их любимый сынок Чжао Дачжи! А еще же есть Юэнян, она хоть и маленькая сейчас, но рано или поздно тоже выйдет замуж. В следующий раз, если меня позовут, я точно не приду!”

“И я не приду! Пусть сама, Цай Чуньхуа, тут суетится!”

Женщины дружно закивали, обсуждая, что впредь не будут помогать в делах семьи Чжао.

Тётушка Ли вздохнула: “Ну давайте уж в этот раз сделаем это ради бедного гээра Юя. Видели бы вы, какой он тощий! Да у него на руках до сих пор синяки от побоев не прошли... Жалко ребенка!”

<http://bllate.org/book/15725/1407281>